

80 ЛЕТ ЗАКОНУ

ГОМОЛОГИЧЕСКИХ РЯДОВ

Н. И. ВАВИЛОВА

“Прочти сто книг, а напиши одну”

Великий русский биолог Н. И. Вавилов не мыслил жизни без книг и был выдающимся покорителем книжных Гималаев. Известный книговед Алексей Гаврилович ГЛУХОВ рассказывает, как именно ученый читал книги и вел исследовательскую работу, старался следить за новейшей литературой и приобщал других людей к рациональному чтению.

“Я, как и многие мои товарищи, привык так же, как ежедневно обедать и ужинать, следить за тем, что происходит на земном шаре в области моей работы... И, если я в течение недели не буду следить за этим нормально, я даже почувствую определенную отсталость, потому что жизнь во всех отраслях идет вперед...”

(Из речи Н. И. Вавилова на конференции аспирантов Всесоюзного института растениеводства 17 марта 1939 г.)

Сейчас общепризнано, что Николай Иванович Вавилов (1887—1943) внес огромный вклад в развитие биологии и агрономической науки, систематику и географию культурных растений, разработку научных основ селекции. Он намного опередил современников в понимании значения генетики для прогресса науки и практики. Как путешественник-исследователь он побывал на всех пяти континентах, владел 22 языками, был почетным членом многих академий. Литературное наследие ученого составляет свыше 500 научных статей, брошюр, крупных монографий, книг, опубликованных на многих языках мира. Вавилов был также великолепным организатором науки, выдающимся общественным и государственным деятелем. Именно по его инициативе была организована сеть генетических и селекционных учреждений, создан уникальный центр сбора и хранения генетических ресурсов растений — Всесоюзный (ныне Всероссийский) институт растениеводства и Институт генетики Академии наук.

Биография ученого хорошо известна. Вот некоторые вехи его жизненного пути. Он родился в Москве в семье предпринимателей, учился в Московском сельскохозяйственном институте (ныне Сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева). В 1912 г. в печати появились его первые работы, в том числе одна из первых в России по генетике: “Генетика и ее отношение к агрономии”. Это был конспект речи на Голицынских высших женских сельскохозяйственных курсах — страстное выступление в защиту теории наслед-

ственности и изменчивости, разработанной Грегором Менделем.

В 1913 г. 26-летний ученый побывал в Англии, Франции, Германии, где изучал проблемы иммунитета хлебных злаков и генетики растений. В 1917 Н. И. Вавилов избран профессором Саратовского университета. Здесь он обосновал учение об иммунитете растений к инфекционным заболеваниям и открыл закон гомологических рядов в наследственной изменчивости организмов. Это открытие принесло мировую славу молодому ученому.

Уже в 1923 г. он избран членом-корреспондентом Академии наук, в 1929 — академиком, в том же году становится первым президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ).

За труд "Центры происхождения культурных растений" и за учение об иммунитете Н. И. Вавилов был удостоен в 1926 г. премии имени В. И. Ленина, а как выдающийся путешественник — награжден золотыми медалями различных зарубежных академий.

За экспедицию в Афганистан (1924) Всесоюзное географическое общество наградило его медалью имени Н. М. Пржевальского "За географический подвиг". Позднее — в 1931 г. — Н. И. Вавилов был избран президентом этого старейшего в стране научного общества.

Давая обобщенную характеристику Николаю Ивановичу Вавилову, академик ВАСХНИЛ Н. А. Майсурия заметил, что необычайная работоспособность сочеталась в нем с гениальностью, неутомимая энергия с широчайшей эрудицией, высокая требовательность — с исключительной доброжелательностью, мировые масштабы работы — с глубоким интересом к мельчайшим деталям исследований, огромный организаторский талант — с большой личной работой. Ученый был страстным книголюбом, талантливым читателем, знатоком и ценителем библиотек.

...В 1921 г. молодой профессор Н. И. Вавилов был приглашен из Саратова в Петроград, чтобы возглавить Отдел прикладной ботаники — научное учреждение, из которого впоследствии вырос Всесоюзный институт растениеводства (ВИР). Отдел был разорен — без топлива, с замерзшим водопроводом, всюду грязь, сотрудники буквально голодали. И среди многих неотложных дел нового директора одним из важнейших было пополнение библиотеки.

Страстную, беззаветную любовь к книге Николай Иванович Вавилов пронес через всю жизнь, с ненасытной жадностью читал всегда, при любых обстоятельствах; постоянно пополнял свою домашнюю библиотеку. Чрезвычайно зорко следил за мировой литературой по всем отраслям теоретической биологии, в особенности по растениеводческим дисциплинам, неутомимо разыскивал нужные ему издания.

Н. И. Вавилов в своем кабинете во Всесоюзном институте растениеводства

Будучи в командировке в Испании в 1926 г. Н. И. Вавилов сообщал: "Вчера день больших книжных удач. Добыл редкости редчайшие". И пояснял, что ему посчастливилось достать редкую книгу испанского ученого Гэрреры "Земледелие в Испании до Колумба", где речь шла о перенесении арабами в Европу сельскохозяйственных растений. Далее Николай Иванович добавляет: "Отправил пока с Иберийского полуострова 46 ящиков и 96 банделеролей".

Вот как досталась ему другая ценность — труд ботаника Лагаски, который в начале XIX в. разрабатывал некоторые идеи систематики растений, развитые впоследствии самим Вавиловым. Потомки испанского ученого собрали совет, на котором решили передать реликвию русскому ученому с пожеланием процветания советской науке. Семья сочла, что в этом случае книга будет более способствовать прославлению памяти предка, нежели оставаться в домашней библиотеке. (Это подробно описано Н. И. Вавиловым в книге "Пять континентов".)

"Поражала его начитанность и память. И память-то у него была своеобразная, — вспоминает соученица Н. И. Вавилова, профессор Л. П. Бресславец. — Он не поражал, как некоторые научные сотрудники, тем, что мог произнести наизусть подряд несколько страниц из какого-нибудь классика. Но из множества прочитанных им книг и статей он выбирал самое главное и запоминал навсегда. При этом он не проглядывал книги, а читал насловоз. И этому же научил всех, кто окружал его".

С большим интересом и вниманием относился Н. И. Вавилов к древним авторам. Если греческий или римский историк или поэт пусть даже мимоходом упоминал о каком-нибудь растении, Вавилов покупал книгу и она стояла в шкафу рядом с научной литературой. Особенно он ценил "Георгики" Вергилия, рассматривая их не только как поэму, но и величайший документ исторического значения, непревзойденный по полноте сведений, по наблюдательности автора: "...как две тысячи лет назад

земледельцы заслушивались стихами этой агрономической поэмы, так и теперь "Георгики" служат настольной книгой каждого крестьянина Италии». А труды классиков древнеримской и древнегреческой агрономической науки Катона и Колумеллы не только изучал, но и перевел на русский язык.

Собирал Н. И. Вавилов и сочинения, описывающие цивилизации хеттов, шумеров, египтян, с удовольствием слушал лекции поэта Валерия Брюсова об эгейской культуре, изучал Талмуд и комментарий к нему, "чтобы восстановить картину земледелия библейских времен"; читал "Книгу о чудесах мира" Марко Поло — хотел убедиться,

упоминает ли великий путешественник средневековой рожи... Помогали Н. И. Вавилову в разработке его теории о происхождении культурных растений и труды академика Б. Д. Грекова. Сохранился экземпляр его монографии "Киевская Русь" с автографом, где подчеркнута все, что связано с земледелием, с влиянием его на развитие общества, с обменом и торговлей сельхозпродуктами, о различных культах и верованиях, связанных с урожаем. Когда Н. И. Вавилов арестовали, этот экземпляр мог быть при нем.

Как видим, круг книжных интересов Н. И. Вавилова чрезвычайно широк. Характерен такой штрих. Во вступительной лекции, прочитанной в 1917 г. на Саратовских высших сельскохозяйственных курсах, он подробно остановился на книге Л. И. Мечникова "Цивилизации и великие исторические реки", казалось бы, далекой от растениеводства. Но ученый был убежден, и он обосновал свою мысль на этой лекции, что "культура поля всегда идет рука об руку с культурой человека". Вот почему он изучал исторические труды, фольклор, древние источники — от научных и философских трудов до стихов и комедий.

Н. И. Вавилов за работой в лаборатории Туркменской опытной станции

Особенно глубоко, всесторонне изучал Н. И. Вавилов классиков естествознания. В первой научной командировке в Англию он читал в подлинниках труды К. Линнея, Ж.-Б. Ламарка, Т. Гексли, Ч. Дарвина, занимался в личной библиотеке этого выдающегося естествоиспытателя. Чтобы понять дарвинизм, ему необходимо было познакомиться с книгами, которые использовал Дарвин, изучить его пометки на полях, видеть, с чем соглашался и с чем спорил создатель теории естественного отбора.

Н. И. Вавилов смолodu выработал основной принцип чтения — изучать оригинальные исследования, а не довольствоваться изложением и комментариями. Он писал: "Вообще, углубление в оригинальные работы — хорошая вещь. Узнаешь методику, динамику работы, мысли. Ясно видишь, где недоговорено, недоделано".

Знаменитые вавиловские экспедиции по исследованию культурной флоры и сбору лучших образцов возделываемых растений предпринимались по строго продуманному

плану и начинались с подготовки исчерпывающих аннотированных списков литературы по этим районам и ознакомления с нею, с изучения карт. Он отовсюду черпал сведения, которые помогали ему решать важнейшие вопросы истории сельского хозяйства, происхождения культурных растений, их эволюции и перемещения из одной страны в другую. И фундаментальные монографии Н. И. Вавилова, в том числе и итоговый труд "Учение о происхождении культурных растений после Дарвина" — пример исключительно тщательной, вдумчивой работы исследователя с источниками — оснащены исчерпывающей библиографией по вопросам, которым они посвящены.

Высоко ценя книгу, Н. И. Вавилов призывал молодых ученых научиться следить за всеми книгами, которые выходят по их специальности, какие книги должны появиться. И всеми силами способствовал этому. Побывав в первой научной командировке в США, Н. И. Вавилов собрал там и привез на родину более 3 тысяч книг и 10 тысяч бюллетеней опытных станций. Более того, он организовал в Соединенных Штатах специальное советское Бюро для бесперебойного снабжения института всей новейшей литературой, издававшейся Департаментом земледелия и опытными станциями США.

Едва книги оказались в Петрограде, как директор Института извещает об этом своих коллег в Саратове, Тбилиси, Киеве, Ташкенте, Москве. Профессору Ч. А. Левитскому в Киев: "Ждем Вас в Петрограде: Мы действительно получили очень много литературы по генетике и, пожалуй, по ци-

Н. И. Вавилов в Мексике, 1930

звание литературы: "Это раз навсегда надо исправить, и вообще библиотеки Ленинграда надо знать". Последние слова в отзыве подчеркнуты трижды. Он мог объявить на Ученом совете: "Я вчера просматривал журнал посетителей нашей библиотеки и убедился, что доктор наук такой-то не был там три года. Давайте попросим профессора объяснить нам свое поведение".

Первое, с чего начал молодой сотрудник, попавший в ВИР, — это изучение литературы той области, в которой ему предстоит работать, в том числе и на иностранных языках. Лишь после того, как поставленная им сводка литературы получила одобрение в отделе, а часто даже у самого Николая Ивановича, он мог приступить к экспериментальным исследованиям.

Именно поэтому залогом успешной научной деятельности сотрудников Вавилов считал четкую постановку всей работы ВИРовской библиотеки. Он не только предъявлял к ней высокие требования, но и сам очень энергично помогал ей. По богатству книжного фонда и периодики, освещающей вопросы теоретической и прикладной ботаники, библиотека занимала в СССР первое место.

Благодаря многолетней систематической и кропотливой работе Н. И. Вавилова и его сотрудников, эта библиотека к концу 30-х гг. стала и одним из крупнейших мировых центров библиографии сельскохозяйственной литературы. В библиотеке был совершенный справочно-библиографический аппарат, велась огромная картотека, уже в 1932 г. насчитывавшая свыше 30 тыс. карточек, а к 1940 г. она выросла более чем в 10 раз. Особенно ценной была предметная картотека.

О легкости пользования справочно-библиографическим аппаратом вспоминали многие бывшие сотрудники ВИРа. "Но библиотека! Вспомним, как еще совсем молодым ученым Вавилов начинает собирать книги, тогда станет ясно, что они значат для Николая Ивановича, — пишет его соученица Л. П. Бреславец. — И вот находится необычный библиотекар, создавший каталог, которому нет равных в СССР". О том же пишет и член-корреспондент АН Молдавской ССР В. А. Рыбин: "Для каждого культурного растения имелась своя картотека, в которой каждый, даже малоопытный читатель, быстро находил нужную ему журнальную статью или книгу. Библиографические ссылки в свою очередь были сгруппированы в алфавитном порядке полпредметно, например: систематика, культура, биология цветения, выведение сортов, болезни и вредители и т. д."

В библиотеке составлялись также и тематические указатели литературы, среди них — фундаментальная "библиография мировой литературы по генетике и селекции пшениц".

Библиографическая секция была укомплектована высококвалифицированными сотрудниками с библиотечным оборудованием и со знанием

тологии, хотя полностью цитологической литературы я не подобрал. По генетике растений думаю, что имеется все существенное, все журналы. Библиотека в Вашем распоряжении".

"Книжные" поручения делались и сотрудникам, которые выезжали в заграничные командировки. Селекционера и растениевода Н. И. Иванова он просит приобретать в Германии "самые новейшие книги, какие увидите, по растениеводству, не элементарные, а серьезные, ну, скажем, Э. Баура", ряд географических справочников, арабскую грамматику и словарь.

Аналогичная просьба к ботанику и селекционеру С. М. Букасову: "Сообщайте о новых книгах с точным наименованием их цены, издательства, года, города".

Собирание книг не было для него самоцелью. Библиотека прежде всего — источник научных мировых богатств. Всякий, кто по лености и нелюбпытству не желал пользоваться этими сокровищами, встречал в лице Вавилова решительного противника.

Так, сотрудник, сдавший недостаточно квалифицированную работу, он сделал выговор за не-

трех языков в пределах, необходимых для библиографической работы. Кроме того, библиографы овладевали знаниями в области сельскохозяйственной науки. До 1925 г. библиографическую работу здесь вел А. Д. Педашенко, которого Николай Иванович называл "выдающимся библиографом по сельскохозяйственной литературе", а составленные им пособия считал "незаменимыми справочными изданиями".

Директор библиотеки, Г. В. Гейнц, читал аспирантам специальный курс "Пользование научной литературой". (Г. В. Гейнц, скончавшийся в годы блокады Ленинграда, до последних дней жизни заботился о сохранности фондов библиотеки и библиографических картотек.)

Но и все секции ВИРа, по прямому указанию Н. И. Вавилова, обязаны были "организовать планомерную библиографическую работу как по литературе, издаваемой в СССР, так и за границей", а библиотека выступала координационным центром библиографической деятельности института.

На курсах повышения квалификации специалистов-селекционеров и сотрудников опытных станций Николай Иванович читал лекции, носившие название "Источниковедение". Доктор сельскохозяйственных наук В. Б. Енжин приводит интересные детали: "Помнится, — писал он, — перед ним стоят под углом два длинных стола, сплошь заложенные солидными монографиями, книгами, журналами и отдельными статьями на разных языках. (И как обычно, большой зал библиотеки переполнен.) Николай Иванович берет одну работу за другой и, часто не раскрывая, кратко характеризует ее содержание. А если это был научный журнал, то освещал его общее направление и отмечал отдельные важные статьи".

После некоторых таких лекций и обзоров у слушателей создавалось полное представление о состоянии мировой науки в области генетики, селекции, систематики и болезней растений.

Открыта была для всех железных и личная библиотека ученого — уникальное собрание разнообразной литературы на всех языках мира. Обилие книг поражало. Книжные шкафы размещались и в кабинете, и в столовой, и в спальне. Там были и чудесные, редкостные издания.

Николай Иванович охотно позволял пользоваться книгами своей библиотеки и даже брать их с собой, но с обязательным условием оставлять на их месте записочки, когда и кто взял.

Когда ботаник В. В. Маркович, живущий под Ленинградом, посетовал на то, что институтская библиотека неохотно посылает некоторые издания, Вавилов ответил: "Кое-какие книги вы можете брать

у меня дома: я менее строг". И пояснил: "Различное отношение к библиотекам вызывается тем, что вирсовская библиотека используется чрезвычайно, а моя ищет читателя".

В Саратов своему другу П. Н. Подъяпольскому Н. И. Вавилов отправляет "Атлантиду" Пьера Бюэна; в Хабаровск Н. П. Писцову идут "все новые издания Института"; профессору Б. М. Козо-Полянскому посылает в Воронеж во временное пользование Бюкнера (последний экземпляр!), но получив еще два экземпляра Николай Иванович спешит сообщить, что "посланный Вам экз. переходит в Вашу собственность". М. А. Туликову в Ташкент сообщает, что ему «послана только что вышедшая южика о "Центрах культурных растений", по ней поспешайте и по винограду установите таковые».

Тема "Н. И. Вавилов и книга" — неисчерпаема... Редактирование рукописей, отзывы на вышедшие работы, составление библиографических обзоров, редактирование переводов, забота об издании лучших книг, таких как избранные труды И. В. Мичурина, "Энциклопедия сельского хозяйства"; издательская деятельность ВИРа, — среди продукции которого — многотомная "Культурная флора СССР". Высокие требования предъявлял Н. И. Вавилов к качеству научной литературы. Он не терпел печатной макулатуры, мечтал об идеальных трудах. И. Вавилов был убежден и убеждал других, что каждый ученый за свою жизнь должен написать хотя бы одну большую книгу, но такую, чтобы она была необходимо, важным вкладом в науку. В таких случаях академик любил приводить восточную поговорку: "Прочти сто книг, а напиши одну" и добавлял, но такую, "чтобы в сто прочитанных народ уже нося своего не совал, а читал бы только твою".

Мечтал о полке с надписью: "Здесь настоящая наука!" Сюда он относил книги И. Ю. Крачковского, который прочел тысячи таких рукописей, которые другим востоковедам и во сне не снились; "Океанографию" Ю. М. Шокальского, который не только знал литературу, но все дно мирового океана, со всеми его потрохами, как свои пять пальцев, осудал. Назвав еще "Происхождение видов" Ч. Дарвина и брошюру А. Эйнштейна о теории относительности, Н. И. Вавилов сказал: "Это светильники настоящей науки! Наши путеводные звезды!"

Работал он быстро, сосредоточенно, напряженно и в любой обстановке — в самолете, в вагоне поезда, на пароходе. Но свою последнюю книгу ему пришлось писать в тюремной камере.

Н. И. Вавилов был незаконно репрессирован и за время следствия по ложному обвинению создал "Историю культурных растений...", опираясь при этом только на свою память.

Н. И. Вавилов — профессор Саратовского университета. 1918